Мотрошилова Нелли Васильевна
доктор философских наук,
заведующая отделом Института
философии РАН

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА, ОТРАЖАЮЩИЕСЯ ДРУГ В ДРУГЕ: НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЕ СЕГМЕНТЫ НАУКОМЕТРИИ

Наукометрия и библиометрический анализ как её часть в принципе не нуждаются в представлении и защите. Начиная с 60–70-х годов XX в. эта дисциплинарно оформившаяся область знания, выраставшая из недр социологии науки, науковедения, постепенно заняла своё место в количественном (в основном) исследовании науки, а также получила то или иное практическое применение при разработке и осуществлении science policy, политики государств в отношении науки (не путать с научной политикой), при оценке результатов и динамики научно-исследовательской деятельности. Нет сомнения в том, что на этапах, когда особо затребована со стороны общества инновационная активность, как это происходит в России наших дней, значение науковедческой, в том числе наукометрической, информации существенно возрастает. (*За*требованность со стороны общественного развития, что вполне понятно, не тождественна конкретной *во*стребованности, которая зависит от определенных лиц и инстанций). Затребованная информация тем более должна быть объективной, достоверной, доброкачественной, что в свою очередь предполагает строгую оценку состояния дел в данной области. Особенно это касается России, где положение более сложное, противоречивое, чем в других странах.

С одной стороны, Россия оказалась в числе стран, которые достаточно интенсивно осваивали зарубежный опыт теоретической и прикладной социологии науки, науковедения. Что касается науко- и библиометрии, то еще в советское время данная сфера стала вполне профессионально развиваться у нас в стране [1–4]. Сейчас в ней работают авторитетные отечественные специалисты; имеются специальные периодические издания[1]. С другой стороны, сколько-нибудь самостоятельной и единой *национальной системы* регулярного обсчёта науки у нас долгое время не было – прежде всего из-за отсутствия заказа и финансовой поддержки со стороны государства, без чего эта довольно дорогостоящая и институционально разветвлённая деятельность не могла системно оформиться, тем более плодотворно развиваться. Предпринимаемые сейчас попытки изменить ситуацию пока не привели к существенным сдвигам. В подобном положении, правда, оказалась не только Россия, но и многие страны, если не их большинство.

---

[1] В таких специализированных периодических изданиях, как «Науковедческие исследования» и альманах «Наука. Инновации. Образование» регулярно публикуются науко- и библиометрические работы.

К настоящему времени оперативно и масштабно организованные базы данных – по преимуществу, если не исключительно, американские – фактически сделались для всего мира основными источниками и «законодателями» количественно-эмпирических обследований науки. Их повсеместному использованию в немалой степени способствовало то, что некоторые сегменты статистических обсчётов (в их числе сравнительные схемы и графики) были более или менее добротными, носили именно фактический характер и могли подвергаться проверкам и уточнениям. Так, обобщённая и сравнительная статистика науки по «валу» и по динамике (число исследователей и научных учреждений, финансовые вложения государства и бизнеса в развитие науки и т. п.), расчёты по отдельным странам, группам научных дисциплин, конкретным наукам в целом воспринимаются с доверием. Такая информация используется на разных уровнях как внутри науки, так и вне её, например, в конкретных сферах политики в отношении науки, тем более что все сравнения строятся на той статистике, которую предоставляют отдельные страны. В специальной наукометрической литературе, в том числе отечественной, степень доверия к целостной системе библиометрической информации и к её отдельным составляющим (например, к базе данных ISI Thomson Scientific, то есть к указателю цитирования Science Citation Index, а также к базам данных по социальным наукам – Social Science Citation Index или к ISI National Science Indicators, где делаются попытки оценить сравнительный вклад стран в развитие науки) [5] достаточно высокая. Насколько обоснованно это доверие, остаётся вопросом, разрешение которого в значительной степени зависит от области научных знаний.

Говоря о *критической ситуации*, сложившейся к настоящему времени, я далека от того, чтобы возлагать главную вину на Thomson Reuters Corp. и другие, в основном американские, фирмы, занимающие господствующее положение на рынке информационной наукометрии. Они, как правило, выполняют свою работу профессионально, открыто объявляя и соблюдая как правила игры, так и её неизбежные рамки и ограничения (например, то, что обсчитываются в основном журнальные публикации). Вместе с тем, как будет показано далее, воедино сплетается множество исторических данностей, предпосылок и следствий, которые «на выходе» способствуют, скорее, не отражению, а искажению количественных и тем более качественных параметров исследовательской деятельности учёных разных стран и различных специальностей. Понятно, что всю лавину информации, обрушивающейся на специалистов и потребителей, вряд ли возможно подвергнуть тщательной проверке. Вот почему за целые десятилетия основательная критическая работа, например, применительно к российской науке, здесь почти не проводилась.

И всё же сначала скажу о «хороших новостях» в отечественной наукометрии. В последнее десятилетие некоторые российские специалисты в данной области не просто обратили внимание на недостаточность исключительного и даже преимущественного использования – как основы для *качественных* оценок – базы данных корпорации Thomson Reuters

Web of Science (WoS). Они всё чаще проводят в отношении российской науки собственные расчёты и существенно корректируют зарубежные данные. Показательными – наряду с публикациями И. В. Маршаковой-Шайкевич (9а – 9в) являются, скажем, исследования новосибирских специалистов [6]. Они отмечают, в частности, что вопрос цитирования для учёных Сибирского отделения РАН (добавим: и не только для них) стоит очень остро. «Публикация в рейтинговых журналах существенно влияет на финансовые аспекты научной деятельности. Следует отметить, что применение зарубежных информационных ресурсов, таких как БД Web of Science (WoS), Scopus и др. для оценки российской науки имеет свою специфику. Количество российских изданий, учитываемых в БД, довольно ограниченно. Эти базы страдают неполнотой некоторых полей и содержат ошибки постатейных списков литературы. Поэтому использовать индекс цитирования в качестве критерия оценки эффективности научного труда следует с осторожностью, подвергая количественные результаты смысловому анализу» [6, с. 127, 128]. Названные авторы опираются на данные WoS только тогда, когда они не содержат существенных (на целые порядки) отклонений от действительной картины развития той или иной области знания. В то же время сибирские специалисты по наукометрии делают свои подсчёты и выносят собственные оценки. (Кстати, они подтверждают внушительное преобладание научного вклада институтов Академии наук перед другими учреждениями того же или сходного профиля, что немаловажно в свете необоснованных нападок на РАН.)

Впечатляет также серия прекрасных исследований тамбовского специалиста по наукометрии В. М. Тютюника, касающихся нобелевских премий и их лауреатов. Полнота, тщательный отбор и анализ фактов, оригинальность подхода в работах этого автора удивительны. Хочется специально отметить то внимание, которое он проявляет к проблеме международного признания российских нобелевских лауреатов и академиков (на примере химии). Хотя В. М. Тютюник и опирался на данные, полученные в различных центрах мира, но уточнял и корректировал их в свете исследований, проведённых в руководимом им Международном информационном нобелевском центре (МИНЦ) в Тамбове. В этом центре на основе учёта и обобщения «более 20 соответствующих проблемно ориентированных баз данных» [7, с. 152] накоплен колоссальный объём сведений по нобелистике.

А вот теперь о «плохой новости»: в современной России (да и в других странах) мера бесконтрольного использования баз данных названных фирм, главным образом американских, остаётся огромной. Наблюдается к тому же тенденция, которая для оценки развития новой российской науки может стать поистине губительной. Отдельные авторы и институции, опираясь на базы данных частных фирм и организаций, которые завоевали господствующее положение на рынке наукометрических обсчётов, в последнее десятилетие возымели отнюдь не только количественные, а качественно-содержательные претензии. Например, в некоторых сегментах наукометрии эти авторы дают сравнительные или

«абсолютные» оценки вклада, продуктивности, участия или неучастия учёных целых стран в международном дискурсе – как применительно к комплексам научных дисциплин, так и к отдельным наукам. Беда в том, что именно наиболее категоричные, а не взвешенные и доказательные оценки были услышаны в России теми ретивыми чиновниками, которые всё настойчивее предлагают сделать наукометрические подсчёты и «меритократические» оценки (относительно «вклада», «продуктивности» и т. д.) чуть ли не главными критериями в суждениях о результатах деятельности учёных и научных учреждений.

Сейчас вал подобного чиновного «новаторского» рвения буквально накатывает на отечественную науку. Это тем более опасно, что претендующие на универсальность количественные расчёты научной продуктивности становятся основанием для распределения финансовых средств, для сравнительной оценки деятельности научных учреждений и даже негативных выводов о самой целесообразности их существования (например, РАН и её институтов). А поскольку собственной единой и высокопрофессиональной национальной наукометрической *системы и службы* в России нет и в ближайшее время не предвидится, мы рискуем стать всего лишь покорными потребителями зарубежных построений. Вот почему, как я думаю, настоятельно необходимо, чтобы работающие учёные, представляющие разные дисциплины и страны, предметно осмыслили, сколь релевантны их областям и качественным, содержательным аспектам тех или иных наук «данные», «результаты» и «оценки», которые в настоящее время получили достаточно широкое хождение и вроде бы подкреплены авторитетом наукометрии, выводы которой основываются на якобы «точных» базах данных. Кому же, как не самим учёным, оценить эти выводы с точки зрения соответствия или несоответствия реальному положению дел в их исследовательских областях.

Далее попытаюсь конкретно вникнуть в выкладки и оценки, относимые к той научной сфере, в которой сама работаю, то есть к философским наукам. Заранее скажу, что целый ряд известных мне «расчётов» и «выводов» вызывает у меня сильные сомнения в их достоверности, соотнесённости с действительным положением дел. Изберу здесь в качестве примера конкретный аспект и акцент – международную публикационную активность отечественных философов первого десятилетия XXI в., а также отдельные наукометрические оценки их присутствия или отсутствия в международном философском дискурсе[2].

Вполне понятно, что не только для философии, но и для всей российской науки, особенно социогуманитарной, признание коллегами за рубежом – очень болезненная проблема. Истоки неблагоприятной для нас ситуации вполне ясны. Она сложилась прежде всего как следствие многих объективных исторических обстоятельств: это языковые предпосылки – кириллица, повышающая трудность освоения русского языка; изоля-

[2] Будут использоваться данные Web of Science, а также новейшее отечественное исследование по этой теме [8].

ционизм прежних десятилетий, марксистско-ленинская идеологизация социогуманитарных наук в советское время; сложившаяся среди зарубежных авторов практика не ссылаться даже на заинтересовавшие их публикации российских учёных, переведённые на иностранные языки[3]. (Особенно сложное и по многим причинам далеко не объективное дело – цитирование. Но это касается не только российских учёных и не только философов. А потому «критерий цитирования» если и принимается, то с серьёзными сомнениями и оговорками. Проблему именно цитирования и соответствующих индексов, проблему сугубо специальную, я здесь разбирать не буду.)

Совокупность указанных обстоятельств привела к тому, что отечественным учёным даже в новую историческую эпоху мало что помогает – при прочих равных достоинствах их работ – получить известность и признание в зарубежных странах. Поэтому существенные для россиян потери на этом пути почти неизбежны: если иностранные коллеги «замечают», цитируют публикации наших физиков, математиков, биологов и т. д. (тоже, как я догадываюсь, не в той мере, в какой они этого объективно заслуживают), то пока остается лишь надеяться на адекватную, справедливую оценку за рубежом вклада наших учёных социогуманитарного профиля. Эту долговременную тенденцию по-своему фиксирует зарубежная, а за ней и отечественная наукометрия. Однако нынешний наш разговор будет о другом – о произошедших в последние десятилетия изменениях, об общей ситуации, когда нас всё же стали замечать, когда мы уже достаточно солидно представлены в международном дискурсе, и это по идее должно быть зафиксировано и по достоинству оценено, но в действительности замалчивается или даже существенно искажается из-за целой системы кривых зеркал и бездоказательных выводов.

Например, применительно к отечественной философии весьма ценным было то, что даже в исключительно сложных внутренних и внешних условиях второй половины 80-х и в 90-х годах XX в. отечественная философия, освободившаяся от идеологической ограниченности и прочих социальных препятствий, вопреки всем неблагоприятным предпосылкам начала завоёвывать международное признание. Добросовестные отечественные специалисты по наукометрии на основе тщательного анализа уже тогда отметили этот факт: «В философии Россия – писала И. Маршакова-Шайкевич, – занимает достойное место, её исследовательская активность на мировом уровне превышает аналогичные показатели таких развитых западных стран, как Франция и Италия» [9а, с. 149].

В последнее же десятилетие отечественная философия развивалась так, что с точки зрения её международного «присутствия» и признания

[3] К слову, даже применительно к советскому времени, не говоря уже о постсоветском периоде, это была и есть досадная асимметрия. Ибо наши философы, подобно другим специалистам в области социогуманитарных наук, несравненно лучше, чем их иностранные коллеги, знают и учитывают зарубежный исследовательский опыт.

совершила довольно быстрое и качественное продвижение вперёд (подробные доказательства будут приведены ниже). А вот в зарубежных, отчасти и в российских, науко- и библиометрических показателях и оценках это продвижение не только не получило адекватного отражения, но было количественно и качественно искажено. Количественно документируемый прорыв, с такими трудностями, но объективно осуществлённый сообществом отечественных философов, подтверждаемый и признанный непредвзятыми авторитетными зарубежными коллегами, тем самым оказывается скрытым за очередным «железным занавесом», на этот раз созданным не в политике, идеологии, а внутри самой «науки о науке»! (Кстати, становится ясно, что пресловутый «железный занавес» творился не только в СССР: к его созданию сильно причастны и те, кто находился и сейчас находится с другой его стороны. Одно хорошо: этот занавес отнюдь не был монолитным; в нем имелось немало дыр и брешей…)

Думаю, сказанное относится и к другим социогуманитарным дисциплинам. Постараюсь далее показать, с помощью каких средств такое искажение регулярно осуществляется в отношении современной отечественной философии.

Система кривых зеркал

Понятно, что вся система подсчётов в наукометрии, как и в других дисциплинах, зависит от источников, на которые опираются в данной области. Авторы, пишущие об этом, согласно констатируют: «Анализ числа журнальных публикаций и уровня их цитируемости чаще всего проводится на материалах базы данных Web of Science (WoS), принадлежащей ныне компании Thomson Reuters Corporation» [8, с. 3][4].

В самом деле, отсылки именно к базам данных WoS повсеместны не только в наукометрии, но и вообще в литературе о науке. Следует, однако, учитывать, что WoS работает *преимущественно* с *журнальными публикациями*, а это применительно к социогуманитарным дисциплинам изначально определяет ограниченную значимость получаемых данных и выводов. Правда, охват используемых базой WoS журналов солидный – 8000 единиц (в настоящее время). Но поскольку эта база включает очень большое количество научных дисциплин, постольку даже на каждую группу наук приходится ограниченное число «референтных» зарубежных, как правило, интернациональных журналов, из которых именно Thomson Corporation осуществляет свой отбор. Итак, главный исходный для наукометрии факт состоит в том, что пирамида заключений и выво-

[4] Сообщается также, что эта информационная система является старейшей в мире, её основал и в течение многих лет возглавлял Юджин Гарфильд, авторитетный специалист в данной области. О Ю. Гарфильде и истории его деятельности рассказывается в работах М. Петрова, С. Хайтуна, Е. Мирской, Э. Мирского, а также в моём большом исследовании, посвященном социологии науки, в частности, школе Р. Мертона (в печати).

дов покоится главным образом на деятельности Thomson Corporation с её системой Web of Science.

Здесь мы получаем *зеркало № 1*. Я попытаюсь последовательно доказать, что применительно к философии (не только отечественной), а также, видимо, и к другим социогуманитарным дисциплинам это зеркало все-таки искажает реальную картину публикационной активности специалистов тех наук и тех стран, относительно которых осуществляются якобы точные, количественные подсчёты. Какие есть основания для подобного утверждения? Перечислю главные.

- Специалисты объективно фиксируют тот факт, что Thomson Reuters Corporation (далее Th.R.) долгие годы была и остаётся *монополистом* в науко- и библиометрии. Конкурирующие системы (например, база данных группы Scopus) чаще всего только упоминаются, ибо всегда находятся доводы, чтобы взять за основу базы данных WoS. Что вроде бы неудивительно (другой такой же мощной, профессионально добротной системы пока не возникло), но в конечном счёте связано с существенными издержками – если не для всех наук, то для каких-то их групп, для отдельных дисциплин и особенно для ряда стран, даже целых континентов.
- Ряд авторов (8), говоря о монопольном господстве Th.R. и WoS, отмечают, что это означает *упрочение господствующего, если не монопольного положения американских исследований* в различных областях научной деятельности. Возможно, для физико-математических, естественных наук это в целом соответствует реальной картине, но для социогуманитарных дисциплин здесь изначально заключена исходная предпосылка серьёзных искажений. Многие методические ограничения, способы отбора публикаций, определяемые Th.R. и закладываемые в WoS, объективно «американизированы».

Далее будут приведены более конкретные примеры, относящиеся к философии. Речь пойдёт о том, что я называю *искажающим зеркалом № 2* и что характеризует изначальный отбор – прежде всего стран, журналы которых становятся, так сказать, точками отсчёта. Для всех дисциплин социогуманитарного комплекса таковыми, (например, согласно данным И. Савельевой и А. Полетаева), de facto оказываются журналы «большой тройки» – США, Великобритании и… Нидерландов. (Проведённая мною проверка применительно к философии подтвердила этот факт.) Какая-то форма «американизации» действительно имеет место. Таким изначальным и заведомым отбором американское доминирование как бы институционально закрепляется и преподносится другим странам в качестве некой данности, с которой уже ничего не поделаешь. Этот факт якобы отражает «доминирующие позиции США как в экономике, так и в науке, в том числе в социально-гуманитарных дисциплинах» [8, с. 7].

В дальнейшем я приведу доводы в пользу того, что в мировой философии *содержательного доминирования* чисто англо-американских философских тенденций, методов, подходов в действительности нет, да и быть не может. Что на самом деле отражается в искажающем зеркале

№ 2, так это кривое зеркало № 1. То есть, во-первых, отражается упомянутый долговременный монополизм мощных американских наукометрических корпораций; во-вторых, тот исторически обусловленный факт, что большинство авторитетных, престижных журналов, национальных и интернациональных, к настоящему времени издается в трёх перечисленных странах, прежде всего в США. А значит, в зеркале отражается и заведомое неравенство возможностей для учёных других стран, носителей других языков публиковаться в этих журналах.

Представляется оправданным утверждать: наукометрическая система и сфера – частный случай более масштабных процессов, у которых общим знаменателем объективно (вне зависимости от намерений самих специалистов) является утверждение *и в духовной сфере* модели однополярного, а не многополярного мира. В особой области, которой является наукометрия (не забудем, что это тоже сфера частного, в основном американского бизнеса), зеркала не таковы, чтобы отразить реальное положение дел в мировой науке: их задача – утвердить и закрепить интересы США (вместе с Великобританией) в важнейшей для современного мира сфере – научных исследованиях. Неслучайно «результаты» дискриминационны в отношении других языков и науки целого ряда стран.

Кривое зеркало № 3 – это отбор конкретных журналов (национальных и международных) в качестве исходных, учитываемых и обсчитываемых, *информационных единиц*. Вполне понятно, что выбор из моря журналов надо осуществлять, поскольку учесть даже основную их массу нереально. Но сама по себе необходимость не должна заслонять от нас то, насколько «избирательно» в систему включаются или не включаются прежде всего социогуманитарные журналы тех или иных стран. Что касается России, то учитываемое базой WoS их количество «стремится к нулю» (к 2009 году: по экономическим наукам – 0, по социологии – 1, по истории – 2, по философии – 1, а именно «Вопросы философии»). На этом фоне господство «выбора» в пользу американских, вообще англоязычных, журналов как бы молчаливо принимается в качестве некой «объективной» и нерушимой предпосылки.

Теперь я обращусь к вопросу о том, какие именно философские журналы были отобраны для обработки в базе данных WoS[5]. Результаты неоднозначны, но нередко они производят негативное впечатление.

С одной стороны, список WoS (Journal List), охватывающий 156 философских журналов, в целом можно признать достаточно представительным и добротным. В него включено немало журналов, широко известных в мировом философском сообществе, в ряде отношений неплохо документирующих и реальное состояние современной философии как разветвлённой совокупности различных дисциплин (теории познания, логики, истории философии, этики, философии религии и т. п.), и их сложившуюся «локализацию» в тех или иных странах, регионах, в рамках специфических культурно-цивилизационных образований. Правда,

---

[5] Я провела анализ списка журналов (The Master Journal List) по электронному источнику: http://scientific. thomson reuters.com/cgi-bin/jrnlist/jrnresults.cgi.

в перечень включены также и некоторые национальные журналы, которые вряд ли когда-либо держат в руках специалисты из других стран. (Скажем, я сомневаюсь, что четыре включённых в список хорватских журнала могут служить «референтными» изданиями для иностранных философов.) Но само присутствие стран в мировом перечне – дело в целом информационно нужное и справедливое. С другой стороны, анализируемый список подтверждает сугубо неравномерную представленность в базе данных WoS различных стран и континентов. Более того, он закрепляет факт упомянутого ранее количественного доминирования «большой тройки» – США, Англия, Нидерланды. В него попали: 55 журналов, издаваемых в США, 19 – в Англии и 17 – в Нидерландах[6]. Иными словами, на долю этих стран приходится 91 учитываемая единица, или почти две трети всех отобранных и обрабатываемых Th.R. философских журналов. Приведу данные по другим странам: Германия – 9 журналов, Испания – 7, Франция – 6, Италия – 6, Бельгия – 6, Канада – 5, Хорватия – 4, Бразилия – 2, Словакия – 2, Литва – 2, Румыния – 2. Одним журналом в списке Th.R. представлены Мексика, Словения, Колумбия, Филиппины, Чехия, Южная Африка, Тайвань и Россия.

Для правильной оценки такого, прежде всего количественного, американского и английского доминирования в журнальной сфере надо принимать в расчёт, что немало периодических изданий, выходящих в США, Англии, Нидерландах – как, кстати, и в Германии, Франции, Испании, Бельгии, – являются международными (их названия нередко начинаются со слов «International Journal...»). Получается, что американцы и англичане больше других работают в интересах всего мира и что выборки Th.R. лишь фиксируют это обстоятельство. Одно, во всяком случае, верно: по ряду исторических причин США, Англия и Нидерланды куда раньше и масштабнее, чем другие страны, вложились в перспективное, как оказалось, дело создания целой сети добротных, хорошо финансируемых национальных и интернациональных журналов, в том числе философских. На деле же в данном случае сплелось влияние немалого числа предпосылок и факторов, делающих это, казалось бы, лишь количественное и как будто объективное лидирование *противоречивым явлением*, не только заведомо неблагоприятным для ряда стран, но и в итоге дискриминационным для целых регионов и цивилизаций.

Я попытаюсь конкретно показать, почему рассмотренная, на первый взгляд добротная, выборка журналов, осуществлённая Th.R., если она становится главным, а тем более единственным информационным источником, способна превратиться в кривое во многих отношениях зеркало.

Скажу сначала о простых практических причинах возможных и, увы, часто превращающихся в действительность информационных искаже-

[6] Включение в эту тройку Нидерландов (страны, участие которой в философских исследованиях более чем скромное) объясняется просто: здесь издаются в основном международные журналы, что обусловлено концентрацией в этой стране мощных издательских корпораций.

ний, в результате которых мировой философии «ненавязчиво» навязываются американизированные образцы. Философы североамериканского континента, как и Англии, естественно, используют все преимущества от локализации философских журналов (в том числе интернациональных по замыслу, но американизированных по проблематике, методам, содержанию) на родной американской или английской почве. Кроме того, учёные, для которых английский – родной язык, обладают и языковыми преимуществами (несмотря на интернационализацию английского языка). В результате философам неанглоязычных стран Европы, тем более Азии и Африки, получить доступ в американские или английские журналы чрезвычайно трудно, а для подавляющего большинства и вовсе невозможно.

Есть и внутринаучные обстоятельства, объясняющие нерелевантность использования только или главным образом базы данных Th.R. для оценки результативности исследовательской активности учёных. Речь пойдёт об объективном факте дробной, весьма разветвлённой специализации современных философских исследований, которая предполагает наличие для каждого из таких специализированных ответвлений своих профессиональных журналов, альманахов, ежегодников. Поэтому отсутствие публикаций в журналах ограниченной выборки WoS может ничего не говорить о количестве и тем более качестве зарубежных публикаций учёных, как и вообще об их представленности в интернациональном дискурсе. Как ни парадоксально, зависимость здесь может быть как раз обратной.

В подтверждение сказанного приведу конкретный пример. Для очень сильной, международно признанной (а в мировом сообществе, возможно, уникальной) группы отечественных философов-востоковедов перечень WoS исключительно неблагоприятен. Правда, в этом перечне фигурирует ряд востоковедческих философских журналов (“Asian philosophy”, “Arabic Science and Philosophy”, “Journal of Chinese Philosophy”, “Philosophy East and West” и др.), но это, как правило, журналы, издаваемые в США. Между тем российские философы-востоковеды, блестяще владеющие восточными языками, имеют обыкновение публиковать свои работы в книгах и журналах (и на языках) арабских стран, Китая, Индии, Японии, Кореи и других азиатских культур. Это нельзя не признать их огромным профессиональным преимуществом и основой для их широкой признанности в тех странах, философией которых они, собственно, занимаются. Но это преимущество вдруг оборачивается слабостью! Ибо журналы и альманахи этих восточных стран отсутствуют в перечне WoS.

Можно назвать много других национальных и интернациональных журналов, имеющих достаточно высокую профессиональную репутацию, но не вошедших в выборки Th.R. Упрекать эту корпорацию не приходится: выборку так или иначе делать надо. Но следует понимать (особенно в случае претензий на качественные выводы), что для ряда стран и специализаций база данных WoS создаёт своего рода «слепые зоны», ибо исключает из рассмотрения как раз те журналы, в которых философы этих стран и специализаций традиционно публикуются. В дополне-

ние к тому, что сказано о поистине грустной ситуации с публикациями российских философов-востоковедов, назову некоторые авторитетные зарубежные журналы и альманахи, в которых регулярно появляются статьи философов России, но которые не учитываются системой WoS. Это, например, "Cahiers critiques de philosophie" (Франция), "Hume Studies" (Англия), "Studi Slavistici" (Италия), "Studia Spinozana", «Символ» (Париж–Лион–Москва), "Foundations of Society" (США), "International Journal of Technology" (Германия), "Zagadnienia Filosoficzne w Nauce" (Польша) и немало других. Итак, несмотря на все усилия и, хотелось бы верить, лучшие намерения, зеркало WoS оказывается кривым: оно неравномерно, порой несправедливо, отражает зарубежную публикационную активность учёных немалого числа стран.

Кривое зеркало № 4 тоже связано с принципиально неудовлетворительной системой подсчёта, принятой Th.R. и базами данных WoS. Речь идёт преимущественно об учёте журнальных публикаций (ибо из книг выборочно учитываются только Proceeding, – т. е. материалы конференций). Возможно, это несущественно для математиков, естественников, специалистов в области технических наук, но исключительно неблагоприятно для представителей социогуманитарных дисциплин, особенно из таких стран, как, скажем, Франция, Германия, Россия, в которых исследователи, публикуя статьи, всё же традиционно отдают предпочтение солидным, фундаментальным книгам. Скажем, каким абсурдом было бы при оценке вклада в мировую философию таких гениев, как Кант или Гегель, принимать в расчёт не три кантовские «Критики» или гегелевскую «Науку логики», а только статьи, Kleinschriften, как говорят немцы.

Заведомое отбрасывание базами данных WoS именно книг приводит к аберрации, особенно серьёзной в случае чьих бы то ни было попыток делать далеко идущие качественно-содержательные выводы. Ибо в реальной, не искажённой кривыми зеркалами международной научной практике публикация индивидуальных или коллективных монографий наших авторов за рубежом по праву ценится очень высоко, особенно если речь идёт о престижных издательствах и сериях. Например, выдающийся современный питерский философ А. Г. Черняков (к несчастью безвременно ушедший из жизни этим летом) издал в весьма престижной книжной серии «Phaenomenologica» прекрасную монографию, которую сам написал по-английски. Каждому понятно, что такая монография стóит десятка статей (причём её главы, по существу, могут засчитываться как статьи). Но в том-то и дело, что в системах WoS и в опирающихся на них выкладках подобные факты заведомо, «по определению» приравнены к нулю!

Поскольку явочным порядком утвердилась описанная выше система кривых зеркал, постольку отечественные авторы, пишущие о наукометрии или работающие в ней, должны бы сами остерегаться и остерегать других от того, чтобы делать на её основе обобщающие качественно-содержательные выводы и оценки. Отечественные науковеды могли бы сыграть свою роль также и в том, чтобы обоснованно, документированно корректировать – применительно к отечественной науке – данные

и выводы зарубежных фирм, которые по тем или иным причинам способствуют грубому искажению реальной картины. Некоторые из наших специалистов так и поступают [9–13]. Но есть и совсем иные «образцы». В таких случаях делаются не количественные, а качественные выводы о мере «присутствия», «представленности» учёных тех или иных стран и дисциплин в соответствующем международном дискурсе. Вот почему приходится говорить ещё и об *искажающем зеркале № 5*, имея в виду вторичные выводы и оценки именно отечественных авторов. Для меня одним из таких примеров, к немалому удивлению и огорчению, стал препринт И. Савельевой и А. Полетаева, на который я раньше неоднократно ссылалась. Несмотря на все отмеченные ранее резонные оговорки и предостережения этих авторов относительно монополизма и объективно возникших изъянов системы WoS, они положили именно её и только её данные в основу ряда своих выводов качественно-меритократического характера, в том числе касающихся отечественной философии. Эти авторы в разделе с красноречиво-хлёстким названием «Нищета философии» делают общий вывод: «Даже со всеми этими оговорками представительство российских авторов в мировом философском дискурсе выглядит мизерабельно» [8, с. 27, 28].

На каких основаниях сделан этот вывод? Прежде всего, как уже сказано, с опорой исключительно на расчёты WoS, по которым участие российских философов в зарубежных журнальных публикациях за обширный и непосредственно интересующий нас период 1993–2008 гг. ограничивается 3–4 статьями ежегодно (кстати, социологам «повезло» ещё меньше: они якобы публикуют в год за рубежом 2–3 статьи!). Проведённая мною проверка показала: в базе данных WoS действительно приводится список из 62 публикаций российских философов в иностранных журналах в 1993–2008 гг. Поскольку трудно сомневаться в том, что перечень, составленный Th.R., точен с точки зрения ее систем подсчета, нам следует самокритично признать: через воздвигнутый историческими обстоятельствами «железный занавес», до сих пор препятствующий публикации работ российских философов в учитываемых WoS американских и английских журналах, мы пока не пробились. Если учесть, что список WoS включает в себя также и журналы некоторых других стран, а также международные периодические издания, то, действительно, слабую представленность в них нельзя не счесть *существенным недостатком деятельности российского философского сообщества*.

Так, может быть, замечание А. Полетаева и И. Савельевой в адрес наших философов справедливо? Нет, считаю, что они неправы. (Мне приходится оспаривать их выводы, даже и зная о прискорбном факте – безвременной смерти А. Полетаева). Исключительная (и некритическая, как оказывается) опора на данные и выкладки Th.R. – это, по сути, использование подсчётов, которые на целые порядки цифр расходятся с реальными количественными данными, но особенно – с совокупностью качественных показателей, характеризующих участие современных российских философов в международном дискурсе. И. Савельева

и А. Полетаев, к сожалению, забыли о собственных предостережениях относительно системы WoS, не проявили желания хоть как-то скорректировать данные этой базы, учитывая реальное положение дел в отечественной философии. А ведь необходимость такого корректирующего подхода давно отстаивают ведущие специалисты наукометрии, также и отечественные. Например, И. В. Маршакова-Шайкевич справедливо отмечала уже в своей работе 1988 года (9б, с. 104): «…Для некоторых областей знания… необходимо разрабатывать систему поправочных коэффициентов на те публикации и тех авторов, которые по ряду причин, и прежде всего из-за языковых барьеров, недостаточно цитируются за рубежом». Нам без сопоставления с действительным положением вещей никак не обойтись.

Представленность современных отечественных философов в Международном философском дискурсе

Строго говоря, сводки WoS не обязаны давать сколько-нибудь полные сведения о количестве зарубежных публикаций учёных тех или иных стран. Данные, конечно же, приводятся выборочные. Однако отклонения на целые порядки цифр, которые приходится фиксировать применительно к целостной реальной картине, ставят под сомнение если не саму ценность расчётов WoS, то, во всяком случае, правомерность основанных на них содержательных обобщающих выводов.

Некоторые известные мне документированные подсчёты, наблюдения, факты не позволяют взять данные WoS, относящиеся к отечественной философии, даже за основу. Так, в Институте философии РАН в последние годы регулярно издаются научные отчёты за истекший год. (Любая объективная проверка может подтвердить их достоверность.) Из них следует, что сотрудниками института ежегодно публикуется 130–150 книг и более 1–1.5 тыс. статей, за рубежом – от 40 до 80 статей, причём в престижных журналах, альманахах, книгах, издаваемых в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Китае, Индии и других странах. И это только цифры по ИФРАН. Никак нельзя не учитывать продуктивное участие в международном дискурсе философов крупнейших университетов России – МГУ, СПб ГУ, РГГУ, Высшей школы экономики, университетов Новосибирска, Томска, Перми, Ростова-на-Дону. Учесть и их публикации за рубежом при желании совсем нетрудно: университеты сообщают о таких публикациях на своих сайтах.

Если произвести даже не полные, пусть выборочные, но добросовестные подсчёты, полагаю, станет ясно: речь идёт о сотнях ежегодных зарубежных публикаций отечественных философов в весьма авторитетных зарубежных изданиях, что и отдалённо не сходится с зафиксированным WoS показателем – 3–4 статьи. Это – количественная сторона вопроса.

Говоря о качественной стороне, необходимо учитывать совокупность объективных факторов разного рода. Скажу о некоторых из них (при-

менительно к отечественной философии, хотя рассматриваемые далее факторы, уверена, имеют значение не только для нее).

При оценке присутствия в международном дискурсе обязательно надо принимать в расчёт представительство отечественных философов в редколлегиях престижных международных журналов и книжных серий. Во всём мире это считается важным показателем признания учёных той или иной страны. Естественно, он не может быть очень высоким, особенно среди философов России. Тем более важно, что десятки наших учёных, представляющих эту область, включены в международные редколлегии влиятельных журналов и книжных серий. Но немалого числа этих авторитетных журналов, не говоря уже о книжных сериях, как бы вообще не существует, если судить по выборкам WoS.

Сосредоточенность баз данных WoS на ограниченном количестве заранее отобранных журналов, как уже отмечалось, вообще-то понятна, ибо и в этом случае работа проводится огромная. Но если основываться только на этом, остаются вне всякого учёта и рассмотрения такие весомые для интернационального дискурса факторы, как *участие российских учёных в международных проектах*, из которых долговременные и крупные особенно престижны и показательны. То же можно сказать и об участии в международных философских съездах, конференциях, коллоквиумах, об организации подобных мероприятий в России, о солидных российских или международных публикациях по их итогам, а также о стипендиях и премиях, которых отечественные философы были удостоены всемирно известными зарубежными научными фондами, о присуждении им зарубежными университетами докторских степеней honoris causa. Кроме того, наши философы удостаивались государственных наград зарубежных государств (кстати, при полном пренебрежении со стороны собственного государства, щедро раздающего ордена, скажем, звёздам шоу-бизнеса).

Правда, система WoS (и другие сходные системы) по определению не учитывают подобных качественных факторов. Но если те или иные авторы переходят к качественным оценкам международного представительства, не принимать во внимание совокупность упомянутых составляющих научной деятельности более чем недобросовестно с профессиональной точки зрения.

Качественный показатель представленности в международном дискурсе – то, в какой мере философы, признанные в своей стране, получили *известность и признание за рубежом* (в том числе в странах, философской мысли которых они посвятили свои исследования). Российских философов, полностью удовлетворяющих этим критериям, сегодня не только достаточно много – их число, думаю, сопоставимо со средней численностью ныне живущих интернационально значимых их коллег из других стран с богатой философской традицией. Это исследователи, представляющие разные философские дисциплины и разные поколения: *Н. Автономова, М. Степанянц, В. Стёпин, А. Круглов, П. Гайденко,* Т. Ойзерман, Д. Разеев, В. Молчанов, П. Резвых, Е. Борисов, Е. Князева, *В. Лысенко, С. Хоружий*, А. Огурцов, В. Горохов, В. Садовский, Б. Юдин,

Э. Соловьёв, А. Смирнов, А. Карпенко, А. Козырев, В. Миронов, В. Васильев, *А. Гусейнов*, А. Доброхотов, Д. Дубровский, В. Лекторский, И. Блауберг, А. Руткевич, А. Лебедев, Т. Артемьева, Н. Лапин, В. Бычков, Ю. Синеокая, И. Болдырев, А. Назарчук, Г. Майоров, Р. Апресян, В. Федотова, *Н. Юлина*, В. Подорога, *М. Рыклин*, Е. Афонасин, Е. Петровская, В. Порус, В. Малахов, *В. Брюшинкин*, *В. Визгин*, И. Вдовина, П. Тищенко, М. Громов, Б. Капустин, А. Кара-Мурза, В. Кантор, Л. Карелова, В. Шохин, И. Касавин, М. Киселёва, В. Толстых, Н. Ефремова, А. Кобзев, И. Лисеев, Л. Маркова, С. Неретина, А. Фокин, В. Петров и многие другие. Их работы, что легко проверить, регулярно публикуются (нередко и цитируются) за рубежом.

В приведённом списке курсивом выделены те фамилии, которые включены в упомянутый ранее список WoS (62 публикации). В данном списке публикаций есть и другие имена: О. Седакова, Л. Науменко, С. Мареев, А. Майданский, Б. Вазюлин, С. Серебряный, С. Анисимов, А. Титаренко, В. Кувакин, Е. Дубко, В. Соколов, В. Губман (учтены журнальные публикации начиная с 1992 г. по списку WoS). Это, в частности, позволяет на конкретном материале доказать, что в «зеркале» WoS отражается картина, существенно отклоняющаяся от действительного положения дел. Во-первых, приведенный мною далеко не полный перечень публикующихся за границей философов *более чем наполовину* превышает их число, попавшее в сети WoS. Во-вторых, применительно чуть ли не ко всем, кто был этими сетями уловлен, имеются значительные отклонения от совокупного количества их зарубежных публикаций.

Для философии (и не только) устоявшаяся практика исключения из подсчётов зарубежных публикаций именно книг, тем более таких, где коллеги из разных стран уполномочивают наших учёных быть редакторами, соредакторами и авторами, тоже ведёт к существенному искажению целостной картины, характеризующей международный авторитет российских специалистов.

Приведу красноречивый и достаточно типичный пример. Видный отечественный философ-востоковед, создатель целого направления и уникального Центра российских исследований восточных философий М. Степанянц только с 2003 по 2007 г. подготовила (в качестве ответственного редактора, соредактора и одного из авторов) четыре солидных международных труда, опубликованных в США, Индии, Италии, Франции. Две её индивидуальные монографии опубликованы в США и Вьетнаме, а статьи М. Степанянц в зарубежных журналах исчисляются десятками. Её работы постоянно цитируются, включаются в библиографии многими зарубежными авторами, она первый вице-президент Международной федерации философских обществ, заведует одной из философских кафедр ЮНЕСКО. Но поскольку база WoS не учитывает не только книги, но и некоторые из тех журналов, в которых регулярно появляются публикации М. Степанянц, то её – на деле масштабное – участие в международном философском дискурсе вопреки фактам существенно приуменьшается. Подобные примеры показывают, какую скрупулёзную корректирующую работу ещё предстоит провести нашим

науковедам, если они претендуют на убедительные качественные оценки и воссоздание реальной сравнительной картины развития социогуманитарных наук.

Упомяну ещё об одной области работы отечественных авторов, которая одновременно является ареной международного сотрудничества: это наши завоевавшие признание в мире специальные периодические издания – ежегодники, альманахи (такие как «Логические исследования», «Историко-философский ежегодник», «Системные исследования» и др.). Например, недавно вышло в свет новое издание – «Ишрак. Ежегодник исламской философии» (2010. № 1). Судя по всему, это уникальное издание. Достаточно обратить внимание на внушительную редакционную коллегию, объединяющую виднейших востоковедов (прежде всего философов) современного мира. Кто-то может сказать, что редколлегии по большей части носят декоративный характер. Но тогда взгляните на публикации первого номера: в нём представлены известные специалисты из США, Японии, Канады, Ирака, Турции, Египта, Испании, Латвии, не говоря уже о России. Не уверена, что подобным документированным признанием и именно международным сотрудничеством могут похвастаться многие страны.

Вот почему вызывают удивление претендующие на универсальность выводы и о зарубежных публикациях, и о цитируемости наших авторов, основанные лишь на данных WoS. Приведу слова И. Савельевой и А. Полетаева о цитируемости: «Строго говоря (?!), за 15 лет лишь одна публикация российского автора привлекла хоть какое-то внимание западных философов – речь идёт об опубликованной в 1994 г. статье Алексея Нестерука, в настоящее время работающего в Великобритании. Очевидно (?!), что у философов даже “региональный фактор” не работает. Если в предшествующих случаях мы наблюдали повышенное внимание к российской экономике, социологии и истории, то к «русскому духу» интереса явно нет. Больше нам сказать, увы, нечего» [8, с. 40].

Необходимо упомянуть ещё об одном факте. Иногда в наукометрических публикациях (8) с пренебрежением относятся к таким событиям, как предоставление российским авторам целых номеров в международных журналах, в частности, в тех, которые изначально посвящены российской философии и культуре. Получается, что философы ИФРАН должны чуть ли не стыдиться того, что солидный, издаваемый на нескольких языках международный журнал «Диоген» в 2009 г. – в честь 80-летия института – целый номер отвёл российским авторам, или что этой дате посвящён ряд номеров обновлённого (учитываемого в списке WoS) журнала «Russian Studies in Philosophy», ответственным редактором которого недавно стала в прошлом российский философ, а ныне профессор Университета Северной Каролины (США) Марина Быкова. Этот журнал (несмотря на солидную стоимость ежегодной подписки) хорошо расходится в США и других странах.

Приведённые примеры свидетельствуют, что отчасти в силу монопольного положения фирм, подобных Th.R., но ещё больше вследствие «качественных» искажений картины рядом авторов, работающих в об-

ласти наукометрии, сложилось парадоксальное, абсурдное положение: именно наиболее известные российские учёные, имеющие международное признание, и как раз в периоды их наиболее активного «присутствия» на международной арене не попадают в наукометрические сетки, которые вроде бы должны давать адекватное отображение ситуации.

Кто-то может заметить, что базы Th.R. искажают международное значение публикационной деятельности даже немцев, итальянцев, французов, не говоря уже о представителях признанных философских держав азиатского или латиноамериканского континентов. Что, конечно, верно, но не может быть каким бы то ни было оправданием. Задержимся на этом моменте, касающемся не только России. Защитники практикуемых Th.R. методов, то есть преимущественного, если не исключительного, использования базы данных WoS, подчас делают вид, что «объекты» их обследований (учёные, дисциплины, страны) находятся в равном положении. На деле их «равенство» перед американоцентристской наукометрией мнимое, причём и в формальном, и в содержательном отношениях, поскольку мерилом и критерием становятся американские подходы и тенденции. Мы дожили до того, что европоцентризм, некогда господствовавший в философии, всё больше уступает место американоцентризму, объективно дискриминирующему, например, интересную и уже интернационально замеченную философскую мысль стран Южной Америки. Очевидная несправедливость проявляется и относительно некоторых стран Европы. При том что в перечень WoS включены, как отмечалось, четыре хорватских журнала, два журнала из Словакии, там почему-то не оказалось журналов из Польши, философское сообщество которой всегда было достаточно сильным. Нет в (проанализированном мною) списке и журналов Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии. Что же касается философии азиатских стран, то ситуация выглядит поистине удручающей: в перечне нет ни одного (!) философского журнала (издаваемого на родном языке) из Китая, Японии, Индии, то есть стран с богатой философской традицией, игнорирование которых – величайший абсурд и явная дискриминация.

* * *

Итак, система кривых зеркал приводит к следующему общему искажению: англо-американская философия, являясь вполне определённой, специфической, весьма интересной и значимой формой развития современной философии, вовсе не стала и по принципиальным основаниям вряд ли когда-либо станет непререкаемым (как получилось в базе WoS) образцом для исследователей всех стран и народов. Хотя философия, будучи наукой, в целом и главном является единой, интернациональной, её специфические формы, тенденции, традиции, тематические и проблемные акценты в разных странах и на разных континентах не единообразны, плюралистичны. Так, есть исторические и содержательные особенности развития того, что называют «континентальной философи-

ей» или «восточными философиями». Никто прямо не говорит об утрате значимости этими цивилизационно, культурно устойчивыми разновидностями философии по сравнению с философией США. Неравноправие и искажение складываются как бы сами собой.

На деле именно имена виднейших философов Европы конца XX – начала XXI вв. – это одновременно и первые имена мировой философской мысли: Ю. Хабермас, П. Рикёр, Ж. Деррида и другие. Конечно, нельзя забывать и видных американских философов, скажем, Р. Рорти или Х. Патнема. Крупные европейские мыслители изучили, освоили, использовали лучшее из современной англо-американской философии, но не пожертвовали традициями, преимуществами «континентальной», в частности, немецкой и французской философии.

Обобщая, можно сказать, что англо-американская философия в современном мире и качественно, и даже количественно отнюдь не лидирует. (Исторически обусловленный факт доминирования американских и английских журналов и их преимущественный учёт в системе данных Th.R., конечно же, не тождествен мировому лидерству в философской науке.) В мировом дискурсе философов, скорее, имеет место вполне здоровая конкуренция и конвергенция идей, подходов, методов. Но в подсчётах, основанных только или преимущественно на базах данных WoS, всё выглядит иначе. Эти данные через обрисованную систему кривых зеркал снова и снова ставят на пьедестал философию США и Англии, а на задворках – вопреки фактам – оказываются такие признанные «философские» страны, как Германия, Франция, Италия, Китай, Индия и уж тем более Россия. (В последнее время, правда, фиксируются некоторые сдвиги в пользу «новых игроков», стран с повысившейся философской активностью.)

Что касается сказанного выше в защиту философии России, то хочу быть правильно понятой. Близкую к реальности картину присутствия современной отечественной философии в мировом философском дискурсе я стремилась восстановить совсем не потому, что считаю её радужной. Картина эта по-прежнему обрисовывает объективные трудности и противоречия, наши собственные упущения на пути вхождения в интернациональное сообщество. В этой статье, скорее, представлялось необходимым продемонстрировать, сколь неразумно и несправедливо, если не сказать резче, ничтоже сумняшеся перечёркивать результаты, достигнутые в последние десятилетия благодаря огромным усилиям. Отечественная философия к настоящему времени, по крайней мере в некоторых исследовательских областях и звеньях (философия и методология науки, логика, гносеология, история философии, этика), уже достигла или почти достигла уровня, сопоставимого с мировым, а отчасти и стала конкурентоспособной. И это в определённой, совсем немалой, мере признано за рубежом.

Приведу несколько оценок и суждений зарубежных коллег (в данном случае только касательно международной роли ИФРАНа). Вот слова Р. Аре (Harré), заслуженного профессора Джорджтаунского университета, директора Центра философии естественных и социальных наук Лондонской школы экономики: «Я знаю по личному опыту, что Инсти-

тут философии всегда играл важную роль в налаживании контактов между российскими учёными и учёными Великобритании. Кроме того, институт является значительным центром интенсивной интеллектуальной деятельности, которая включает в себя ряд важных и знаменитых на весь мир издательских проектов». По мнению К. Э. Аппиа (Appiah), профессора философии Рокфеллеровского университета и Центра гуманитарных ценностей Принстонского университета, председателя Исполкома американской философской ассоциации, «этот центр философских исследований (ИФРАН. – *Н. М.*) играет важнейшую роль не только в интеллектуальной жизни России, но и в философском диалоге всего человечества». Польский философ Я. Рыбак: «Деятельность ИФРАНа охватывает весь спектр областей философских исследований, он получил как национальное, так и международное признание» [14, с. 100, 101, 104]. Учёт целостного контекста деятельности философского сообщества России подкрепляет и усиливает значимость этих оценок уважаемых зарубежных коллег.

Кроме того: хотелось подать знак тем отечественным специалистам других научных дисциплин, которым небезразлично, что их работу отражают и оценивают через кривые зеркала якобы точных, а на деле тенденциозных наукометрических данных.

Литература

1. *Хайтун С. Д*. Наукометрия: состояние и перспективы. М., 1986.
2. *Хайтун С. Д*. Количественные методы в западной социологии науки.
3. *Маршакова И. В*. Библиометрические исследования и социология науки.
4. *Игнатьев А. А*. Полевые наблюдения исследовательского труда: эволюция проблем и методов // Современная западная социология науки. Критический анализ. М.: Наука, 1988.
5. *Маршакова-Шайкевич И. В*. Россия в мировой науке. Библиографический анализ. М.: ИФРАН, 2008. С. 17.
6. *Павлова Л. П., Курбангалеева И. В., Дубровенко В. А*. Научный потенциал Новосибирска: состояние и тенденции развития за последние 10 лет // Науковедческие исследования. 2009.
7. *Тютюнник В. М*. Лауреаты Нобелевских премий: наукометрические исследования // Науковедческие исследования. 2009. С. 145–175.
8. *Савельева И. М., Полетаев А. А*. Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Препринт WP6 / 2009 / 02.

9а. *Маршакова-Шайкевич И. В*. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии. 2000. № 10.

9б. *Маршакова-Шайкевич И. В*. Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М.: Наука, 1988.

10. Научные организации в условиях реформирования государственного сектора исследований и разработок: результаты социологического исследования. М., 2007. www. csrs. ru / INET PUBLIC / 03 r.
11. *Арапов П. Г.* Наука и информация // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 167–180.
12. *Маркусова В. А.* Цитируемость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник РАН. 2003. № 4. С. 291–298.
13. *Маркусова В. А.* Индустриально развитые страны и Китай в борьбе за лидерство в развитии нанотехнологии: обзор научной литературы по библиографическому анализу публикаций в сети Web of Science и Scopus, 1993–2007 гг. // Науковедческие исследования. 2009. С. 40–64.
14. Волхонка 14. М.: ИФРАН, 2010.